

Шавеко Н.А. Проблема соотношения идеала и действительности в кантианской философии права. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002 // Антиномии. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 42–58.

УДК 172.1

DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИДЕАЛА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В КАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук,
научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН,
г. Ижевск, Россия.

E-mail: nickolai_91@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-5481-7425

ResearcherID: K-4637-2018

SPIN-код: 3004-0891

AuthorID: 744517

*Статья поступила 02.04.2019, принята к печати 13.05.2019,
доступна online 07.10.2019*

В настоящее время кантианская традиция является одной из наиболее влиятельных в моральной философии, философии права, политической философии и теории справедливости. В данной статье представлена попытка проанализировать проблему абстрактности «категорического императива», а также те аспекты, в которых данная проблема актуализировалась в современной философии. С этой целью автор рассматривает концепции справедливости таких ученых XX столетия, как Р. Штаммлер, П. Новгородцев, Г. Радбрух, Дж. Ролз, Ю. Хабермас и др. В ходе исследования применяются историко-генетический, историко-сравнительный, формально-юридический, системный и иные методы. В результате автор приходит к выводу, что проблема абстрактности «категорического императива» может быть эксплицирована в следующих аспектах, образующих различные научные дискурсы: 1) в идее естественного права с изменяющимся содержанием; 2) характере социального идеала, который не поддается обоснованию, но может быть лишь постулирован; 3) дискурсивном, а следовательно контекстуальном, характере конкретных правоположений, вытекающих из постулированного социального идеала; 4) допущении в исключительных случаях намеренно несправедливых норм с учетом реальной возможности претворения идеала в жизнь; 5) возможности понимания правового идеала как эгоизма индивидуальностей при условии взаимности; 6) положении о необходимости учета равенства возможностей, обуславливающей переход от классического к социальному либерализму; 7) в постановке вопроса о справедливости избрания и доминирования тех или иных юридических конструкций, продиктованных целями социальных институтов. В заключение автор делает выводы относительно актуальности и результатов обозначенных им дискурсов.

Ключевые слова: социальный идеал, правовой идеал, справедливость, естественное право с изменяющимся содержанием, неокантианство, Кант, равенство возможностей.

Введение. В настоящее время кантианская традиция является одной из наиболее влиятельных в моральной философии, философии права, политической философии и теории справедливости. Достаточно сказать, что к этой традиции причисляли себя такие мыслители, как Дж. Ролз (Ролз 2010: 15, 130, 225) и Ю. Хабермас (Хабермас 1995: 7, 107). Однако практически сразу же идеи Канта в области морали подверглись критике Гегеля, который утверждал, что кантовский критерий отсутствия противоречия (формального согласия с собой) сам по себе не способен разрешить вопрос о том, что является долгом в конкретной ситуации, поскольку для этого требуется конкретное содержание (Гегель 1990: 176-177). Тем самым было положено начало дискуссии о способах соотношения абстрактного идеала и реальной действительности при условии сохранения возможности универсальной нравственности. Мы полагаем, что с учетом развития кантианской этической традиции в XX в. указанную проблему можно рассмотреть в следующих семи аспектах.

Аспект первый: естественное право с изменяющимся содержанием. Первый ученый, который провел неокантианскую методологию в область права, – Рудольф Штаммлер – предложил свою собственную трактовку концепции естественного права, явно пришедшей в упадок со времен Канта. Он полагал, что предшествующие представители школы естественного права предпринимали методологически неверную попытку создать «идеальный свод законов», применимый для всех стран и времен и якобы вытекающий из самой природы человека или природы вещей, в то время как эта природа в действительности не способна ничего сказать нам о должном (Штаммлер 1907а: 190), в отличие от природы разума (в терминологии Штаммлера – «природы права»); поэтому требуется лишь найти абстрактную, регулятивную формулу социального идеала в качестве безусловной конечной цели (Stammler 1902: 3-4, 11, 12, 14). Этот абсолютный критерий Штаммлер предлагал применять к конкретным жизненным ситуациями и в зависимости от обстоятельств места и времени находить соответствующий ему вариант урегулирования общественных отношений. Эта идея была активно воспринята русскими философами, такими как П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский и С.Н. Булгаков, которые указывали на то, что Штаммлеру удалось, с одной стороны, преодолеть чрезмерно абстрактный характер моральной философии Канта, а с другой – развить интенции, имплицитно содержащиеся в трудах кенигсбергского мыслителя. Действительно, мы знаем, что, применяя категорический императив к конкретным жизненным случаям, Кант отрицательно отвечает на вопросы о том, дозволительно ли с точки зрения нравственности кончать жизнь самоубийством, давать лживые обещания, не реализовывать свои природные таланты, не помогать ближним (Кант 2007: 84-85, 90-91). Но если мы примем во внимание идею Штаммлера о том, что ни одно правило не может рассматриваться как

абсолютное, кроме самой регулятивной формулы социального идеала, то выводы Канта очевидно неверны, ведь в зависимости от конкретных эмпирических обстоятельств ложь, самоубийство и прочие действия могут соответствовать или не соответствовать социальному идеалу. На рубеже XIX–XX вв. «естественное право с изменяющимся содержанием» Р. Штаммлера явилось прогрессивным вкладом в философию права (положив конец господству юридического позитивизма), однако, как мы полагаем, практически сразу же эта идея столкнулась с невозможностью обосновать конкретную формулу абсолютного социального идеала. В результате это привело к тому, что научные дискуссии относительно «возрожденного» естественного права затихли, доминировать же стали другие, хотя и поднимающие вопросы справедливости, но одновременно признающие относительность любых представлений в этой области.

Аспект второй: характер абсолютного идеала. Как известно, Кант выводил нравственный идеал не из окружающей природы или природы человека как биологического существа, а скорее из природы человеческого разума. Относительно этой мысли следует привести замечание А. Шопенгауэра, утверждавшего, что «Кант выставляет так называемый моральный закон не как факт сознания» (то есть не как интуитивно ясное положение), а как априорное понятие чистого разума; в первом случае категорический императив «был бы антропологическим, имеющим основание в опыте, хотя и внутреннем, стало быть, эмпирическим, что диаметрально противоположно взгляду Канта и неоднократно им отвергается» (Шопенгауэр 1992: 144, 151, 153). И действительно, когда Р. Штаммлер постулирует формулу социального идеала «общество свободно волящих людей», когда Г. Радбрух идеей справедливости считает «равным – за равное» или когда П. Новгородцев выражает абсолютный идеал через категории свободы и равенства, все они полагают этот идеал чем-то самим собой разумеющимся, вытекающим из природы человеческого разума. Мы рассмотрели позиции неокантианцев первой половины XX в., но та же особенность свойственна и современным философам кантианской направленности. Так, Ю. Хабермас выдвигает так называемый принцип универсализации (Хабермас 2001a: 113; Хабермас 2001b: 103, 146) а О. Хёффе основной идеей политической справедливости называет «принцип равного права на свободу», он же «принцип беспристрастности» или «принцип обобщаемости» (Хёффе 2007: 140; Хёффе 1994: 21–22, 48). Но достаточно ли просто постулировать эти принципы? Г. Кельзен верно отмечал, что установление нормы – это вообще функция воли, а не разума, поэтому должное можно только постулировать, но не познать (Кельзен 2015: 501–502). Если так, то любой абсолютный идеал оказывается не подкрепленным аргументами. Как верно отмечал П.Б. Струве, «этическая проблема, как проблема о должном, неразрешима для позитивизма... никакая положительная наука не в силах устанавливать нравственные ценности» (Струве 1997: 370–371). И все же, даже если рассматривать установление должного как функцию воли, мы могли бы проанализировать в той или иной степени общечеловеческую волю, которая воплотилась в Уставе ООН и других международных

актах, подписанных и ратифицированных подавляющим большинством современных государств. Эта воля в некотором смысле является объективной, хотя и исторически относительной. Как верно отмечает М. Сэндел, «в мире мысль о том, что справедливость означает уважение определенных универсальных прав человека, получает все большее распространение и признание (по меньшей мере в теории, если не на практике)» (Сэндел 2013: 33). По нашему мнению, поскольку идеология прав человека получила широкое международное признание, современная теория справедливости может развиваться не только в виде осмысления указанных прав, но и в виде частных исследований, апеллирующих к названной идеологии. Подобный выход на опыт позволяет обосновать актуальность и практическую значимость тех или иных исследований в области справедливости, но и оставить любые попытки окончательно доказать какую-либо теорию справедливости.

Аспект третий: контекстуализм. Обращаясь к современным разработкам кантианских идей, например к теории справедливости Дж. Ролза, мы видим, что метод отыскания справедливости у Ролза – «рефлексивное равновесие» – представляет собой не что иное, как интуитивистскую трактовку кантианской этики; в свою очередь Ю. Хабермас в своей этике дискурса также отсылает к «внутреннему опыту» отдельных лиц, а именно к убеждениям и ценностям, которые должны быть обсуждены и согласованы по «принципу универсализации». Указанные авторы исходят из того, что мы не можем претендовать на нечто большее, чем согласованность этических интуиций и ценностей множества людей, которая достигнута в ситуации, обеспечивающей беспристрастность рассуждений лиц, ищущих принципы справедливости. Такая философия контекстуализма у них парадоксальным образом сочетается с кантовской априорной идеей права. Ролз и Хабермас используют кантовскую философию скорее как указание на идеальную процедуру, уравнивающую различные моральные интуиции – различные именно потому, что эти авторы вводят в априоризм антропологические допущения.

Теория справедливости Дж. Ролза подвергалась критике со стороны коммунитаристов как эмотивная, то есть апеллирующая к эмоциям людей и выдающая эти эмоции за требования долга. Действительно, Ролз часто использует выражения типа «интуитивно ясно», «интуитивно несправедливо». Но, по всей видимости, эта критика касается частных аргументов тех или иных дебатов, тогда как сам по себе критический метод не подразумевает отсылки к эмоциям (Кашников 2004: 193-204). Ролз задействует метод «рефлексивного равновесия», то есть анализирует первоначальную интуицию, чтобы сформулировать принцип, но это не означает, что он считает первоначальную интуицию истинной (Алексеева 2001: 70). Аналогично Ю. Хабермас говорит не просто о компромиссе различных ценностей, а об их пересмотре, корректировке и изменении их в ходе дискуссий, в результате чего достигается единогласие. Иными словами, первоначальные убеждения должны выдержать испытание дискуссией и быть либо отброшенными всеми, либо признанными всеми; если же не удастся ни то, ни другое,

следует избрать такие правила толерантности, которые оставляют относительный простор реализации противоположных убеждений.

По нашему мнению, подход Ролза и Хабермаса в некотором смысле действительно является продолжением логики «категорического императива» в его противопоставлении «золотому правилу морали»: первый, в отличие от второго, подразумевает абстрагирование от своих личных предпочтений, ценностных представлений и идеалов. В то же время он не теряет связь с опытом, если будет подразумевать учет желаний, ценностей и убеждений каждого члена общества, и в этом научные изыскания названных мыслителей по модификации кантовской моральной философии заслуживают поддержки. Вместе с тем сведение справедливости к простому результату дискуссий означает уничтожение идеи справедливости, ведь справедливость состоит в поиске такого решения, которое учитывает интересы сторон в равной мере, хотя в действительности оно могло бы никому не понравиться. Как верно отмечал Штаммлер, именно популярность должна основываться на правильности, но не наоборот (Stammeler 1902: 46, 155). В связи с изложенным закономерен вывод, что контекстуальный уклон Ролза и Хабермаса чрезмерно и неоправданно релятивизирует понятие справедливости.

У неокантовца Г. Радбруха, в свою очередь, мысль о невозможности отыскания единственного априорного идеала стала обоснованием ценностного релятивизма. По мнению философа, «из понятия справедливости вытекает, что равные требуют равного обращения, а различные – соразмерно различиям между ними. Но оба эти вопроса остаются открытыми: кого следует рассматривать в качестве равных или различных и как с ними обращаться?.. Чтобы выяснить содержание права, необходимо дополнительно ввести понятие целесообразности» (Радбрух 2004: 64). Какова же цель права, по Радбруху? «В сфере эмпирического познания мира, – пишет он, – существует лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это – отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда... Резюме конечных целей одним словом: для индивидуалистической точки зрения – *свобода*; для надындивидуалистической – *нация*; для трансперсональной – *культура*» (Радбрух 2004: 65-69). Выбор между указанными ценностями, по мнению Радбруха, каждый делает по своему усмотрению, а роль политических партий в условиях демократии ученый видел как раз в том, чтобы выразить ценностный выбор большинства (См. об этом: Klein 2007: 208-212). Но тогда справедливость вновь оказывается поставленной в зависимость от результатов конкретного политического дискурса. Отсюда следует, что концепция справедливости Радбруха имеет те же самые недостатки, которые свойственны взглядам Ролза и Хабермаса. Более того, будучи разработанной профессиональным политиком во времена Веймарской парламентской республики, она определяет справедливость как в некоторой степени производную от конкретных политических процессов (результатов выборов в парламент), то есть еще больше релятивизует ее.

Аспект четвертый: практическая достижимость идеала. Неокантианская этическая традиция утверждает, с одной стороны, что «мы добиваемся осуществления наших идеалов не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять их повелительно требует от нас и от всех окружающих нас сознанный нами долг» (Кистяковский 1998: 76), а с другой стороны, что безусловно невозможное и неосуществимое не может быть и долженствующим. Проблема здесь, очевидно, состоит в том, что человек практически никогда до конца не уверен в том, что тот или иной исход событий *эмпирически* невозможен; следовательно, речь должна идти лишь о *логической* (а потому и принципиальной) невозможности и неосуществимости, которая не налагает существенных ограничений на социальный идеал. Но в таком случае возникает другая проблема – проблема разграничения формального критерия справедливости и утопической идеи будущего, способной завести социальное развитие в тупик. Верно пишет Хёффе: «Ни во имя той или иной утопии, ни во имя предвидения не дозволено забывать о современности или даже приносить ее в жертву будущему. Ибо люди, живущие сегодня, не должны быть низведены до состояния средств для будущих людей» (Хёффе 2015: 194). Утопия будущего может быть и логически непротиворечивой, но под сомнением именно ее эмпирическая достижимость. Неокантианская формулировка социального идеала, на наш взгляд, выгодно отличается от утопической тем, что самоценным благом является даже минимальный шаг на пути к справедливости (например, устранение дискриминации в какой-либо сфере), а не только конечный результат (в виде коммунизма, «города солнца» и т.п.). Таким образом, даже если идеал нельзя обосновать, его постулирование должно удовлетворять некоторым формальным требованиям.

Помимо этого Штаммлер отмечает, что наши цели «должны оставаться в рамках возможной действительности, если им не суждено быть пустыми мечтаниями» (Штаммлер 1907b: 21), смягчая тем самым категоричное кантовское «ты можешь, ибо ты должен». Ученый обращает внимание на ситуацию, когда при определенных обстоятельствах некоторое правовое регулирование с очевидностью предстает как правильное, однако в силу тех или иных причин не может быть осуществлено. Он называет этот феномен «*сознательно неправильным правом*» – *bewusst unrichtiges Recht*. Удачным примером этого явления мы считаем крепостное право: оно представляется очевидно несправедливым, но для его отмены нужны были определенные социальные условия, отсутствие которых повергло бы страну в экономический шок, чреватый еще большими несправедливостями. Можно заключить, что концепция «неправильного права» Штаммлера и сегодня сохраняет актуальность, поскольку способна интерпретировать утилитаристские аргументы на языке кантианской этики.

Аспект пятый: взаимовыгодный эгоизм. Неокантианские мыслители отмечали, что человек у Канта мыслится слишком абстрактно, в результате чего не остается места проявлениям индивидуальности. П.И. Новгородцев писал: «Выведенная Кантом норма общественности – “царство лиц как целей” – имеет в виду не качественно новое проявление

лиц во взаимодействии их многообразных индивидуальностей, а только количественное повторение их однородных притязаний» (Новгородцев 2010b: 460). Однако, настаивает ученый, личность – это не только родовое, но и индивидуальное существо (Новгородцев 2010b: 459). В философии XVIII–XIX вв. (начиная от Руссо и Канта и заканчивая и Фейербахом и Марксом) было распространено рационалистическое родовое определение личности, не включающее индивидуальные особенности, поэтому казалось, что может быть найдена общая воля, удовлетворяющая потребности всех людей в равной мере (Новгородцев 2010a: 252–253, 260). Абсолютный идеал, по Новгородцеву, противостоит такому исходу и «решается, соответственно, каждым по-своему» (Фролова 2013a: 420–421). Но как тогда понимать общественный идеал? Очевидно, он заключается в таком правовом регулировании, при котором абсолютные идеалы всех личностей принимаются во внимание в равной степени. Но, по нашему мнению, в таком случае приходится допустить, что: 1) всякая форма себялюбия, согласующаяся с аналогичной формой себялюбия других людей, может стать «всеобщим законом», поскольку логически не противоречит самой себе, причем человек в этом случае относится к себе и как к цели, и как к средству, да и других тоже не воспринимает только как средства, 2) человек не обязан служить другим людям и обществу в случае, если сам не желает получать от них какие-либо блага (то есть он не обязан относиться к ним всегда как к самоцелям, и допустимым, вопреки Канту, становится отношение к ним «ни как к цели, ни как к средству»).

Продемонстрируем приведенный нами тезис на примерах, которые приводит сам Кант, но придадим им иное толкование (при этом мы солидаризируемся с той критикой кантовского учения, которую предлагает Г. Кельзен). Кенигсберский философ, в частности, настаивает на безнравственности самоубийств, совершенных с конкретной целью – избежать страданий. Но, во-первых, как правильно отмечал Г. Кельзен, вопреки Канту, нельзя сомневаться в том, что человек способен последовательно желать допущения самоубийств, не впадая в противоречие (Кельзен 2015: 447). Так, самоубийство, не наносящее вреда другим лицам, вполне может стать «всеобщим законом»: его нужно трактовать не как жизнь, отрицающую себя, а как принцип удовольствия, последовательно и непротиворечиво развитый. Во-вторых, самоубийцу можно понимать как человека, который видит в себе средство для самого себя же, а это значит, что он выступает для себя и средством, и целью одновременно, в то время как Кант запрещал лишь отношение к человеку «исключительно как к средству». Представляется дискуссионным и вывод Канта о принципиальной недопустимости лжи. Во-первых, как показал Г. Кельзен, человек вполне способен последовательно желать неисполнения обещаний, если готов принять на себя возможные риски (Кельзен 2015: 447–448). Во-вторых, ложь, осуществляемая во благо самого обманываемого, вовсе не низводит обманываемого до средства лжеца, а кроме того, не отрицает логически сама себя, так что все могут лгать друг другу ради блага обманываемых, и при этом прекрасно уживаться друг с другом. Помимо сказанного, Кант утверждает нравственную обязанность по-

мощи нуждающимся, и обосновывает это тем, что никто в здравом уме не стал бы отказываться от такой помощи, но он не учитывает, что могут быть люди, принципиально не принимающие никакой посторонней помощи. Верно возражение Г. Кельзена: «Совершенно ясно, что эгоист может желать всеобщего закона эгоизма и при этом последовательно отказываться от помощи других; поэтому он может, не впадая в противоречие, желать, чтобы его максима стала всеобщим законом» (Кельзен 2015: 449). Наконец, Кант считает нравственным долгом человека развивать свои таланты, а не предаваться удовольствиям. Он вынужден допустить, что и без исполнения этого долга человечество будет сохранено, но настаивает, что нужно не только сохранять человечество, но и способствовать его процветанию. Неясно, впрочем, как помогут человечеству, например, развитие талантов в ущерб их использованию, или развитие ненужных талантов, или попытки развития талантов «из чувства долга» при отсутствии реального желания это делать. Резонно возражение Г. Кельзена, согласно которому ни максима «Я предпочитаю предаваться удовольствиям», ни закон, в который возводится эта максима, не противоречат себе. Но эта максима противоречит тезису, согласно которому мы должны развивать все свои способности.

Итак, справедливость состоит в равном учете различных эмпирических интересов, связанных с различием индивидуальностей, и мы не можем отрицать и запрещать такие интересы индивидов, реализация которых никак не вредит другим индивидам.

Аспект шестой: равенство возможностей. Идеалы свободы, равенства и братства, выдвинутые просветителями, были переосмыслены в эпоху промышленного переворота, когда власть крупного капитала стала подменять собой власть закона, в результате чего предоставленные законом равные права лишь прикрывали существенное неравенство в реальных возможностях реализации данных прав.

Кант в свое время был одним из первых, кто приступил к систематическому обоснованию идей либерализма; его политическая философия выступила против поглощения индивида обществом; «отеческое правление» Кант считал величайшим деспотизмом (Фролова 2013b: 94). Неокантианская политическая философия, в противоположность сказанному, восприняла современные ей (конец XIX – начало XX вв.) идеи левого, или социального, либерализма, вызванные усложнением общественной жизни, очевидной необходимостью помощи экономически незащищенным слоям населения, перехода от *laissez-faire* к социальному государству (Фролова 2013a: 373-389). В этом отношении популярность приобрело учение социализма, и многие мыслители (Г. Коген, П. Наторп, Р. Штаммлер, К. Форлендер, П. Новгородцев, С. Гессен, Ф. Ланге, Г. Радбрух, М. Адлер и мн. др.) в той или иной степени пытались соединить учения Маркса и Канта, неокантианство и социализм. Следует отметить, правда, что Кант под «отеческим» понимал такое правление, которое имеет целью обеспечить счастье подданных и воспитать их (Соловьев 2005: 136-146). Однако неокантианцы и не стремятся с помощью социального либерализма достичь счастья; их цель – обеспечить идеалы свободы и равенства, отстаиваемые Кантом, но исходя из новых реалий.

Современные теории справедливости принимают во внимание названный аспект, но уже с учетом осмысления идеала государства всеобщего благоденствия. Например, Дж. Ролз отстаивал принцип честного равенства возможностей и принцип наибольшей выгоды наименее успешных социальных слоев, который также должен способствовать хотя бы приблизительному равенству возможностей. Но более важно у Ролза другое: уже сама его концепция «исходного положения» предполагает знание людьми общих фактов окружающего мира, что, однако, само по себе не позволяет сделать выводы о том, какие именно правила общественного устройства будут выгодны тому или иному конкретному человеку. Уже в самой этой концепции Ролз в некотором смысле совместил абстрактный идеал и действительность, преодолев ограниченность моральной философии Канта. «Некоторые философы, – замечает мыслитель, – полагали, что первые этические принципы должны быть независимы от всех случайных посылок, что они не должны полагать допустимыми никакие истины, кроме тех, которые следуют из логики или анализа концепций... С точки зрения договорной теории это равнозначно предположению, что лица в исходном положении не знают вовсе ничего о самих себе и о своем мире. Как же тогда могут приниматься решения?.. В самом деле, нельзя обойтись без общих фактов... Из этого видно, что при аргументации в пользу даже первых принципов справедливости нужны как общие факты, так и моральные условия. В договорной теории эти моральные условия принимают форму описания исходной договорной ситуации» (Ролз 2010: 144). По всей видимости, именно не нарушающее беспристрастность суждений знание «общих фактов», в том числе касающихся конкретного общества, являет собой то необходимое условие, которое способствует преодолению абстрактности априорного идеала. Именно выполнение данного условия позволяет перейти от классического либерализма к социальному, к правам человека второго поколения, то есть поднять вопрос об условиях, обеспечивающих реальную свободу и равноправие людей. Конкретные принципы справедливости у Ролза, учитывающие равенство возможностей, безусловно, предопределены этой общей идеей «исходного положения».

Впрочем, нельзя не обратить внимания, что полное равенство возможностей оказалось такой же утопией, как и исключительно формально-правовое равенство. Так, русские дореволюционные правоведы активно отстаивали так называемое право на достойное человеческое существование. И.А. Покровский особо подчеркивал в этом отношении право человека не умереть с голоду и связанное с ним право на труд (а не только права трудящихся, как П.И. Новгородцев), видя в их обеспечении минимально необходимую «круговую поруку» всех членов общества (Покровский 1911: 19-21, 33, 37, 40). Но где границы государственного содействия и вмешательства, ученый не ответил. П.И. Новгородцев также не пытается найти здесь какую-либо единую формулу, полагая это невозможным (Новгородцев 2010а: 313-315). По его мнению, под названным правом следует понимать «не положительное содержание общественного идеала, а только отрицание тех условий, которые совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни» (Новгородцев 1911: 4). Повышать крите-

рии при определении минимума равенства возможностей Новгородцев не решается, поскольку это требует более сильных аргументов. По крайней мере, Новгородцев не критично приводит мнение В.С. Соловьева, согласно которому человек должен быть обеспечен средствами к существованию (одежда, жилище, воздух и пр.) и достаточным физическим отдыхом, а также иметь возможность пользоваться досугом для духовного совершенствования. Таким образом, требования у мыслителей были весьма скромные (как максимум – наличие времени для досуга). И действительно, если последовательно проводить идею равенства стартовых возможностей, то очевидно: то, что мы имеем здесь и сейчас (земля, капитал, способность к труду, знания и умения), и является нашими возможностями для будущих действий, следовательно, полное равенство возможностей означает одновременно и полное равенство в имуществе, способностях и информации (или, по крайней мере, полный контроль над их распределением). Нельзя не привести слова Ф. Хайека, критиковавшего идею обеспечения равенства возможностей: «Для этого правительству пришлось бы полностью контролировать материальное и социальное окружение всех лиц и заботиться о предоставлении всем хотя бы эквивалентных шансов; и чем больше правительство преуспеет в этом, тем настойчивее будет законное требование об устранении, на основе того же принципа, всех оставшихся барьеров – или об их компенсации с помощью дополнительного обременения относительно привилегированных. И так будет продолжаться до тех пор, пока правительство не возьмет под контроль буквально все обстоятельства, способные влиять на благополучие любого человека» (Хайек 2006: 253). Сказанному вторит У. Кимлика, который пишет: «Полное равенство условий невозможно. Мы могли бы попытаться максимально уравнивать условия. Но и это нельзя считать приемлемым решением. Поскольку для оказания помощи людям с серьезными физическими или умственными недостатками и для уравнивания условий их жизни с условиями здоровых людей никакой суммы денег не будет достаточно, нам, возможно, придется потратить на это все имеющиеся ресурсы» (Кимлика 1998: 171). Названная проблема нахождения оптимальной степени уравнивания возможностей, как представляется, до сих пор не разрешена, и остается одной из самых острых в политической философии.

Аспект седьмой – критерии равенства. Наконец, мы полагаем необходимым отметить, что в конкретной ситуации всегда наличествуют факторы, которые приводят к тому, что поступок, правильный для одного, будет неправильным для другого. «Например, в ситуации автомобильной аварии полицейский и врач должны действовать по-разному, основываясь на требованиях универсальности. Полицейский не должен оперировать, а врач – регулировать движение транспорта» (Скирбекк, Гилье 2008: 460). Но в чем заключается критерий того, что мы находимся в одной и той же ситуации, и на основе каких факторов происходит разграничение обязанностей различных лиц в данной ситуации (выделение социальных групп и ситуаций, по отношению к которым формулируются конкретные нормы права)? В этом вопросе (по сути, это вопрос корректного формулирования

субъективных максим поведения или законодательных норм) применение императива также требует объективно обоснованной отсылки к опыту, особенно при экстраполяции его на правовую сферу. В юриспруденции данная проблематика дискутируется в рамках понятия юридической конструкции. Г. Радбрух писал: «Цель юридической конструкции – не родовое понятие... конструкция ищет не “всеобщее”, а “существенное”... типовое понятие» (Radbruch 1960: 31). Иными словами, поскольку право опирается на действительность, но устремлено к справедливости, юридические конструкции должны вычленять отдельные явления с точки зрения их ценности для реализации правового идеала. С одной стороны, какую бы юридическую конструкцию (включающую своего рода «концентрический круг» заинтересованных лиц, например врачи и пациенты, работники и работодатели, преступник и общество в целом) мы ни изобрели, необходимо прибегнуть в ее рамках к критерию «обобщения» интересов сторон с учетом цели введенной правовой конструкции, и тогда мы получим правило, отвечающее главной идее справедливости – всеобщности. Но сама цель данной юридической конструкции (и используемых в ней понятий) обусловлена потребностями и интересами конкретных людей (или всего общества), например больных людей, жертв преступлений, наемных работников и пр. В результате юридическая конструкция предстает местом пересечения абстрактной идеи и реальных потребностей. И когда правовое регулирование сосредоточено на потребностях одних социальных групп, но пренебрегает потребностями других, мы можем говорить об опасности возникновения несправедливого дисбаланса. Но здесь возникает вопрос о целях тех или иных институтов, в которых задействованы данные группы, и к этому вопросу, в конечном счете, сводятся дискуссии между либералами и коммунитаристами, между сторонниками и противниками однополых браков и им подобные споры, связанные с защитой культурных ценностей.

Между тем еще Р. Штаммлер в своей концепции *прообраза (Vorbild)* правильного права отмечал, что «в обществе люди стоят друг к другу в различных отношениях: одни ближе, другие дальше; от одних я могу потребовать большего, от других меньшего, но зато и сам первым обязан (в смысле своего поведения) давать больше, другим меньше. Таким образом, вокруг каждого лица по степени социальной близости располагаются разнообразные *концентрические* круги... Если теперь между двумя лицами возникает спор, каким поведением и в какой мере один из них обязан другому, то для решения этого спора в духе справедливого права обоим спорящим надо мысленно поставить в надлежащий концентрический круг, в некоторую специальную общность (*Sondergemeinschaft*); тогда мера справедливого поведения и исполнения их друг другу определится яснее» (Покровский 1904: 158-159). По Штаммлеру, выработанные им принципы правильного права должны применяться именно к абстрактной *Sondergemeinschaft*, характеризующейся общими целями (Stammeler 1902: 281). Мысль о специальном сообществе представляет собой ответ на вопрос: «Кто есть мой ближний?», помогая верно применить принципы правильного права. Анализируя библейскую заповедь любви к ближнему,

Штаммлер отмечает, что каждый человек от природы привязан больше всего к самому себе и в социальном общении неизбежно вступает с другими людьми в более близкие отношения, чем с другими. В контексте правил внешнего поведения любовь к ближнему не должна пониматься так, что дальний человек имеет право требовать от нас столько же, сколько и ближний. В известной притче Христа о добром самаритянине, оказавшем на дороге помощь жертве разбойников, необходимость помощи обосновывается именно тем, что самаритянин в своем положении стал жертве ближним. Ни одна система права не свободна от подобного ранжирования, однако те критерии, которые уже имеются в исторически данном праве, не являются безусловно правильными (Stammler 1902: 285-291).

Выводы. Итак, проблема соотношения социального идеала и действительности, свойственная кантовской философской традиции, может быть эксплицирована в различных аспектах. Некоторые из них (естественное право с изменяющимся содержанием, практическая достижимость идеала и др.) дискутировались в основном неокантовскими авторами начала XX в., другие (в частности, контекстуализм) актуализировались лишь в современной философии, дискуссии о третьих (например, о равенстве возможностей, взаимовыгодном эгоизме) проходят красной нитью через весь XX в., модифицируясь в различных исторических условиях. Но все они, по нашему глубокому убеждению, в той или иной степени сохраняют свою теоретическую и практическую значимость. В связи с изложенным считаем необходимым подчеркнуть следующее.

Идея заменить «идеальные кодексы» одной абстрактной регулятивной формулой абсолютного идеала, возникшая на рубеже XIX–XX вв., в целом верна, однако научная мысль должна оставить любые попытки окончательного обоснования той или иной формулы справедливости, поскольку ее можно лишь постулировать. Вместе с тем дискуссии о практической достижимости социального идеала показали, что и постулирование не может быть произвольным, к нему предъявляются некоторые формальные требования. Более того, современные разработки, имеющие целью обоснование зависимости конкретных правовых положений, вытекающих из постулированного социального идеала, от результатов конкретных дискурсов или политических процессов, представляют собой излишнюю релятивизацию понятия справедливости. В частности, многие проблемы кантовского подхода могут быть преодолены, если понимать под справедливым решением то, которое учитывает интересы сторон в равной мере (своего рода эгоизм индивидуальностей при условии взаимности). Такое решение не обязательно определяется результатами дискурса. Однако именно принцип равной заботы и равного уважения лиц лежит в основе современных представлений о правах человека. Поскольку идеология прав человека получила широкое признание на международном уровне, современная теория справедливости может развиваться, в числе прочего, в виде частных исследований, апеллирующих к этой идеологии. В связи с этим представляется возможным сделать вывод о том, что кантовский этический априоризм не утратил своей актуальности и имеет перспективы для развития. Наиболее актуальными

сегодня видятся два последних из названных нами аспектов рассмотренной в настоящей статье проблемы. В рамках проблематики обеспечения равенства возможностей требуется найти оптимальный баланс между фиктивностью формально провозглашенных прав и тоталитарным контролем, а в рамках юридического конструирования, в конечном счете, необходимо определить оптимальный баланс между различными концепциями блага и незыблемостью универсальных прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А. 2001. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М. : Моск. обществ. науч. фонд. 241 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. М. : Мысль. 524 с.
- Кант И. 2007. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб. : Наука. С. 53-120.
- Кашников Б.Н. 2004. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. 258 с.
- Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. СПб. : Алеф-Пресс. 542 с.
- Кимлика У. 1998. Либеральное равенство // Современный либерализм. М. : Прогресс-Традиция. С. 138-190.
- Кистяковский Б.А. 1998. «Русская социологическая школа» и категория возможности при решении социально-этических проблем // Б.А. Кистяковский. Философия и социология права / подгот. Ю.Н. Давыдов и В.В. Сапов. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та. С. 25-76.
- Новгородцев П.И. 1911. Право на достойное человеческое существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та, и И.А. Покровского, проф. СПб. ун-та. СПб. ; М. : Тип. Вольфа. С. 1-13.
- Новгородцев П.И. 2010а. Кризис современного правосознания // П.И. Новгородцев. Избранные труды. М. : РОССПЭН. С. 35-366.
- Новгородцев П.И. 2010б. Об общественном идеале // П.И. Новгородцев. Избранные труды. М. : РОССПЭН. С. 367-877.
- Покровский И.А. 1904. Рудольф Штаммлер. Учение о справедливом праве : (литературное обозрение кн.: Stammeler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902) // Вестник права. Кн. 2. С. 151-165.
- Покровский И.А. 1911. Право на существование // О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та, и И.А. Покровского, проф. СПб. ун-та. СПб. ; М. : Тип. Вольфа. С. 15-48.
- Радбрух Г. 2004. Философия права. М. : Междунар. отношения. 240 с.
- Ролз Дж. 2010. Теория справедливости. М. : ЛКИ. 536 с.
- Скирбекк Г., Гилье Н. 2008. История философии. Введение в философские корни современности. М. : Владос. 799 с.
- Соловьев Э.Ю. 2005. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция. 416 с.
- Струве П.Б. 1997. Предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» // П.Б. Струве. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М. : Республика. С. 340-390.
- Сэндел М. 2013. Справедливость. Как поступать правильно? М. : Манн, Иванов и Фарбер. 352 с.

- Фролова Е.А. 2013а. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М. : ЮРКОМПАНИ. 600 с.
- Фролова Е.А. 2013б. Этико-правовые проблемы философии права неокантианства // Государство и право. № 7. С. 93-97.
- Фролова Е.А. 2015. Проблемы теории и философии права. М. : Юрлитинформ. 303 с.
- Хабермас Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : Academia. 252 с.
- Хабермас Ю. 2001а. Вовлечение Другого: очерки политической теории. СПб. : Наука. 417 с.
- Хабермас Ю. 2001б. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука. 382 с.
- Хайек Ф. 2006. Право, законодательство и свобода. М. : ИРИСЭН. 644 с.
- Хёффе О. 1994. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. М. : Гнозис. 328 с.
- Хёффе О. 2007. Справедливость. Философское введение. М. : Праксис. 192 с.
- Хёффе О. 2015. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 328 с.
- Шопенгауэр А. 1992. Две основные проблемы этики // А. Шопенгауэр. Свобода воли и нравственность. М. : Республика. С. 20-258.
- Штаммлер Р. 1907а. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 1. СПб. : Начало. 412 с.
- Штаммлер Р. 1907б. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Т. 2. СПб. : Начало. 347 с.
- Klein M.D. 2007. Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch. Berlin : BWV, Berliner Wiss.-Verl. 354 S.
- Radbruch G. 1960. Die Natur der Sache als juristische Denkform. Darmstadt : Wissenschaftl. Buchgesellschaft. 40 S.
- Stammler R. 1902. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin : J. Guttentag. 647 S.

Nikolai A. Shaveko, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia. E-mail: nickolai_91@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018
SPIN-код: 3004-0891
AuthorID: 744517

Article received 02.04.2019, accepted 13.05.2019, available online 07.10.2019

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN IDEAL AND REALITY IN KANTIAN PHILOSOPHY OF LAW

Abstract. The Kantian tradition is one of the most influential in moral, legal and political philosophy, and in the theory of justice. This article aims to analyze the problem of the abstractness of the «categorical imperative», as well as those aspects, in which this problem was actualized in contemporary philosophy. To this purpose, the author analyzes the concept of justice of such scholars of XX century as R. Stammler, P. Novgorodtsev, G. Radbruch, J. Rawls, J. Habermas, and others. In the course of the study, historical-genetic, historical-comparative, formal-legal, systemic, and other methods are used. As a result, the author comes to the conclusion that the problem of the abstractness of the “categorical imperative” can be explicated in seven different aspects, forming various scientific discourses: 1) in the idea of natural

law with changing content; 2) in the nature of the social ideal, which can only be postulated, but not justified; 3) in the discursive, and therefore contextual nature of legal norms arising from the postulated social ideal; 4) in admitting, in exceptional cases, intentionally unfair norms, taking into account the real possibility of putting the ideal into practice; 5) the possibility of understanding the legal ideal as the egoism of individuals under the condition of reciprocity; 6) the need to take into account the equality of opportunities; 7) in the matter of the fairness of the election and domination of those or other legal constructions, determined by the goals of social institutions. In the end, the author draws conclusions regarding the relevance and the results of the scientific discourses named by him.

Keywords: social ideal; legal ideal; justice; natural law with changing content; neo-kantianism; Kant; equality of opportunities.

For citation: Shaveko N.A. *Problema sootnoshenija ideala i dejstvitel'nosti v kantianskoj filosofii prava* [The problem of correlation between ideal and reality in Kantian philosophy of law], *Antinomii = Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 42-58. DOI 10.24411/2686-7206-2019-00002.

References

Alekseeva T.A. *Spravedlivost' kak politicheskaja koncepcija: ocherk sovremennyh zapadnyh diskussij* [Justice as a political concept: an essay on contemporary Western discussions], Moscow, Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001, 241 p. (in Russ.).

Frolova E.A. *Jetiko-pravovye problemy filosofii prava neokantianstva* [Ethical and legal problems of the philosophy of law of neo-Kantianism], *Gosudarstvo i pravo*, 2013, no. 7, pp. 93-97. (in Russ.).

Frolova E.A. *Neokantianskaja filosofija prava v Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Neokantian philosophy of law in Russia in the late 19th – early 20th century], Moscow, JuRKOMPANI, 2013, 600 p. (in Russ.).

Frolova E.A. *Problemy teorii i filosofii prava* [Problems of the theory and philosophy of law], Moscow, Jurlitinform, 2015, 303 p. (in Russ.).

Habermas J. *Demokratija. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lekcii i interv'ju* [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews], Moscow, Academia, 1995, 252 p. (in Russ.).

Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action], St. Petersburg, Nauka, 2001, 382 p. (in Russ.).

Habermas J. *Vovlechenie Drugogo: ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other], St. Petersburg, Nauka, 2001, 417 p. (in Russ.).

Hayek F. *Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda* [Law, Legislation and Liberty], Moscow, IRISJeN, 2006, 644 p. (in Russ.).

Hegel G. *Filosofija prava* [Elements of the Philosophy of Right], Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).

Höffe O. *Est' li budushhee u demokratii? O sovremennoj politike* [Is there a future for democracy? About modern politics], Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015, 328 p. (in Russ.).

Höffe O. *Politika. Pravo. Spravedlivost'. Osnovopolozhenija kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva* [Political Justice], Moscow, Gnozis, 1994, 328 p. (in Russ.).

Höffe O. *Spravedlivost'. Filosofskoe vvedenie* [Justice. A philosophical introduction], Moscow, Praxis, 2007, 192 p. (in Russ.).

Kant I. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Groundwork of the Metaphysics of Morals], I. Kant. *Osnovy metafiziki npravstvennosti. Kritika prakticheskogo razuma. Metafizika npravov*, St. Petersburg, Nauka, 2007, pp. 53-120. (in Russ.).

Kashnikov B.N. *Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii* [Liberal theories of justice and political practice in Russia], Nizhny Novgorod, Novgorodskij gosudarstvennyj universitet im. Jaroslava Mudrogo, 2004, 258 p. (in Russ.).

Kelsen H. *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law], St. Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (in Russ.).

Kistjakovsky B.A. «*Russkaja sociologicheskaja shkola*» i kategorija vozmozhnosti pri reshenii social'no-jeticheskikh problem [«Russian sociological school» and the category of opportunity in solving social and ethical problems], B.A. Kistjakovskij. *Filosofija i sociologija prava*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo institute, 1998, pp. 25-76. (in Russ.).

Klein M.D. *Demokratisches Denken bei Gustav Radbruch* [Democratic thinking at Gustav Radbruch], Berlin, BWV, Berliner Wiss.-Verl, 2007, 354 p. (in German).

Kymlika W. *Liberal'noe ravenstvo* [Liberal equality], *Sovremennyy liberalism*, Moscow, Progress-Tradicija, 1998, pp. 138-190. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Krizis sovremennogo pravosoznanija* [The crisis of modern justice], P.I. Novgorodtsev. *Izbrannye trudy*, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 35-366. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Ob obshhestvennom ideale* [On the social ideal], P.I. Novgorodtsev. *Izbrannye trudy*, Moscow, ROSSPJeN, 2010, pp. 367-877. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Pravo na dostojnoe chelovecheskoe sushhestvovanie* [The right to a dignified human existence], *O prave na sushhestvovanie. Social'no-filosofskie jetjudy P.I. Novgorodtseva, prof. Mosk. un-ta, i I.A. Pokrovskogo, prof. SPb. un-ta*, St. Petersburg, Moscow, Tip. Vol'fa, 1911, pp. 1-13. (in Russ.).

Pokrovsky I.A. *Pravo na sushhestvovanie* [The right to exist], *O prave na sushhestvovanie. Social'no-filosofskie jetjudy P.I. Novgorodtseva, prof. Mosk. un-ta, i I.A. Pokrovskogo, prof. SPb. un-ta*, St. Petersburg, Moscow, Tip. Vol'fa, 1911, pp. 15-48. (in Russ.).

Pokrovsky I.A. *Rudolf Shtammler. Uchenie o spravedlivom prave : (literaturnoe obozrenie kn.: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902)* [Rudolf Stammler's "Theory of Justice" (literary review of the book: Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902)], *Vestnik prava*, 1904, b. 2, pp. 151-165. (in Russ.).

Radbruch G. *Die Natur der Sache als juristische Denkform* [The nature of the matter as a form of legal thought], Darmstadt, Wissenschaftl. Buchgesellschaft, 1960, 40 p. (in German).

Radbruch G. *Filosofija prava* [Philosophy of Law], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, 240 p. (in Russ.).

Rawls J. *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice], Moscow, LKI, 2010, 536 p. (in Russ.).

Sandel M. *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. What's the right thing to do?], Moscow, Mann, Ivanov i Farber, 2013, 352 p. (in Russ.).

Shopengauer A. *Dve osnovnye problemy jetiki* [Two main problems of ethics], A. Shopengauer. *Svoboda voli i npravstvennost'*, Moscow, Respublika, 1992, pp. 20-258. (in Russ.).

Skirbekk G., Gilje N. *Istorija filosofii. Vvedenie v filosofskie korni sovremennosti* [History of Philosophy. An Introduction to the philosophical roots of modernity], Moscow, Vlastos, 2008, 799 p. (in Russ.).

Soloviev E.Yu. *Kategoricheskij imperativ npravstvennosti i prava* [The categorical imperative of morality and law], Moscow, Progress-Tradicija, 2005, 416 p. (in Russ.).

Stammler R. *Die Lehre von dem richtigen Rechte* [The Doctrine of Proper Rights], Berlin, J. Guttentag, 1902, 647 p. (in German).

Stammler R. *Hozjajstvo i pravo s točki zrenija materialističeskogo ponimanija istorii. T. 1* [Economy and Law According to the Materialist Conception of History, vol. 1], St. Petersburg, Nachalo, 1907, 412 p. (in Russ.).

Stammler R. *Hozjajstvo i pravo s točki zrenija materialističeskogo ponimanija istorii. T. 2* [Economy and Law According to the Materialist Conception of History, vol. 2], St. Petersburg, Nachalo, 1907, 347 p. (in Russ.).

Struve P.B. *Predislovie k knige N.A. Berdjaeva «Sub#ektivizm i individualizm v obshhestvennoj filosofii. Kritičeskij jetjud o N.K. Mihajlovskom»* [Preface to the book by N.A. Berdyaev «Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. A Critical Study of NK Mikhailovsky»], P.B. Struve. *Patriotica. Politika, kul'tura, religija, socialism*, Moscow, Respublika, 1997, pp. 340-390. (in Russ.).